

Все стихи я делю на разрешённые
и написанные без разрешения.
Первые — это мразь, вторые —
ворованный воздух.

Мандельштам

18

Это издание может содержать информацию,
которую российское правосудие может счесть
вредной для несовершеннолетних. Если вы
доверяете российскому правосудию больше,
чем нашему издательству, — не позволяйте
несовершеннолетним знакомиться с этим изда-
нием и сами воздержитесь от знакомства с ним.

В О З Д У Х

Пётр Разумов

УПРАВЛЕНИЕ ТЕЛОМ

2013

книга шестьдесят шестая

Пётр Разумов. Управление телом: Книга стихов. – М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2013. – 64 с. – Книжный проект журнала «Воздух», вып.66.

Поэт, эссеист. Родился в 1979 г. Окончил филологический факультет Российского государственного педагогического университета имени Герцена, учился также в Санкт-Петербургском университете, Санкт-Петербургском экономико-технологическом колледже питания, Восточно-Европейском институте психоанализа. Работал разнорабочим, продавцом книг, делопроизводителем, специалистом по недвижимости, флористом, чайным мастером, арт-менеджером, помощником светооператора, поваром. Печатал стихи в журналах «Новый мир», «Воздух», «Зинзивер», «Футурум АРТ» и др. Книги стихов «Диафильмы» (2005), «Ловушка» (2008), «Коллеж де Франс мне снится по ночам» (2012), книга эссе «Мысли, полные ярости» (2010). Лауреат премии «Пропи-леи» от журнала «Новый Мир искусства».

ISBN 978-5-86856-247-1

ББК 84.П7

Серийная обложка Ильи Баранова.

**Когда я лицо ваше кислое вижу,
улыбку детей и живот муравья —
о как я природу тогда ненавижу:
зачем это сделал не я, не я?**

Алик Ривин

Подписано в печать 20.05.2013.

Гарнитура Футура. Формат 70х90/32. Тираж 300 экз.

Проект АРГО-РИСК ИД Книжное обозрение

117648 Москва, Сев.Чертаново, 8-833-218.

Типография Россельхозакадемии. Москва, ул.Ягодная, 12. Заказ № .

† † †

Как будто виноват, как будто в чём-то соль
И эта соль сосёт осой под рёбрышком вторым
Кому пожаловаться, стон нелепый приготовить?
Немым быть не хочу, хочу пилой срамной
По камешкам, по стёклышкам елозить
Тогда ты скажешь: мой

Я знаю, что не прав, что прям быть должен стебель
И ручейки сомнений не мочить
Должны, а лёд точить

Но как отречься от чудес, что в одиночестве плетут
Желаний тонких и холёных паутинку
Тулупом войлочным мне воля
Не готов
Я прижиматься под её сурдинку

Я плакать, плакать, плакать буду
И капли этого огня
Как горсть зерна в мешке хранится
Засохнут на конфорке сердца дорогого
Меня люби, люби меня
Где ты найдёшь ещё такого?

ПОДРАЖАНИЕ ИППОЛИТУ

Мечтается, что я умру через неделю
На пачке сигарет, по крайней мере
Написано, что это вероятно
Мечтается — и мне почти приятно
Мусолить эту мысль, как камешек в руке
Под сердцем, в лёгких хворь —
Хочу наверняка купить kota в мешке

Что там, за дверкой чудной, долгожданной?
Навроде баньки деревенской, говорил
Двойник убийцы и развратник Свидригайлов
Как это нравилось, когда в десятом классе
Читал, — теперь забыл...

Я атеист и верю только в тело
Душа не может без сосуда, мокрое пятно
Всё, чем она болела, — лишь форма,
Внутри вдавленная, на краю — темно

Как в детстве прятал голову в подушку,
Так и сейчас мне страшно этой темноты
Но веры пошлую игрушку
Не подниму, не разорву
Печальной благородной
Немоты

И лишь фантазия мне греет каменное дно
Что знать заранее о гибели дано
Что я умру наверно, через две недели
И эти две недели — праздник, ведь пока я
В теле

Здесь можно всё, поплакать и простить,
И написать какое-нибудь жуткое посланье
Из тьмы на этот свет
Признание во всех ужасных мыслях и поступках
Или какой-нибудь нелепый бред:

Ведь всё равно, лишь кровь прельщает души
Они, послушные, лишь к ней прислушаться готовы
Она плодотворит любой нечаянный привет
От узника безвестности, кому пора
Покинуть этот свет

Как жаль, что не помри я и живи сто лет
Никто не станет слушать, ведь живому
До жизни дела нет

✚ ✚ ✚

Мы прыгали в открытые отсеки
Спасались кролем вплавь и грели утюжки
Жуки с футболок пели о генсеке
Который жив поди, но мальчик злой
Рисует вокруг глаз его кружки
Усы и шляпу, может быть, серьгу
Идёт ему всё это страсть
Но на лугу с коровками срамными
Ему пастись никто не даст

Обнять весь мир готово лето
В жаре своей изжарить
Барашка-тело, золотое изнутри

Я балагуром заходил в тот зал,
В котором ты из короба забвенья крал
И говорил: я твой приятель
На голый торс искатель приключений
А свинки в закутке кричали: гений!

† † †

Шут ляжет пьяным в сердце аквапарка

Пехота слов пасёт строку
Я ни гугу, я сам — молчанье
Качанье букв не угасает
От ветра зыбкого
Как радостно и жарко
И Парка намотала на мизинец
Твою судьбу — не расколоть
Орешек счастья, чтоб зазнаться
И навзничь вспоротым упасть
В святые дебри, кущи, звуки
Как руки милого и доброго стрижа
Не руки, крылья — только два

† † †

Четыре года псу под хвост,
Под хвостом у пса — срамота, стыд
Без обид, просто считать до ста
Без забвенья сильнее даёт по мозгам,
Чем сон тому, кто не каждый день спит

Без необходимости, без любви, без веры
Одна надежда цепляла за краешек тело
Всё, что случилось, — типичный скорбец
Как поёт гуру в мятой рубашке
Но и он замолчал на это время,
подлец

Змея, я — змея, я женщина, кусающая за грудь
Саму себя — в этом времени гнусная суть
Только пройдя обвалы и буераки
Понимаешь вкус крови на выдранной с мясом губе —
Ты выжил в этой неверной драке

Вот только крыса опять завелась
В том закутке, куда попал в одночасье
Там было качание пьяное: бац!
Ритм пронизывал тело как песенка Мумий Тролля
Оля вернулась из Крыма, Таня отправила в лагерь дочь
Все свободны и помощь ждёт у причала, лишь лодочку
надо толкнуть

Вот оно, счастье
В чём бы ни грелась ртуть

ОБ УСЫНОВЛЕНИИ НИЖЕСТОЯЩИХ

Я не хочу быть её ребёнком,
Не хочу быть спортивным, послушным, тонким!

Она мне снилась, то есть совсем не она
Но она, эта женщина с семью по лавкам
Мы стояли, прилавки ломились снедью
Но все трубы под раковинами вели в никуда
Вода стекала прямо на досч(щ)атый пол
Она спросила: как называется эта часть рыбы?
Поварёнок не знал, он впервые видел щуку в разрезе
И власть стекала соком, лоснилась на солнышке
в каждом порезе

— Выучи всё наизусть! И ещё краба, и рака!
Женщина без признаков Госпожи говорила
Я в кассу забыл положить четыре тыщи за душ
Бедняга-рабфаковец, на твоей могиле играет туш!

Я умер четыре раза, когда проходил
Процедуру причастия корпоративным дарам
Но я забыл, что мне не нужна
Мама для зверя с гипертрофированной верхней губой
и бивнем
Но важна сама возможность работать, как в «Замке»
Кафки
Пустите, отдайте, губами вопьюсь и вымолю право
не быть ребёнком

Проснулся
Я снова тонкий

ПРОБУЖДЕНИЕ, СИГАРЕТА И КОТ ЛАКАН

Приснилось, как мама орала, в истерике билась
Агрессия только в ней пребывала
Как хорошо, что это только приснилось...

Кот Лакан любит, когда его тянут за уши
Сигарета и смекта медленно выводят в себя, как те беруши
Не хочу, не хочу! — у кота Лакана слюна кап-кап
Он тоже никотинозависим, мой кот, мой кляп

Просто мы ехали куда-то в Прибалтику
И я завозился с книжкой, скинув ботинки
С трамвая не смог соскочить, пересел в автобус
Как долог путь, как ненадёжен глобус!
На маму орала, она на меня кричала
А я вместо того, чтобы плакать от боли
Спорил и успокаивал
Так нолик в цифре рождает цену
Вместо того, чтоб отдаться бесплатно
В руки владельцу счастливой ноты
Кот Лакан, чьи уши всё это слышат —
Кто ты?

† † †

Кот Лакан вдыхает воздух,
собирает аромат
Он коллекционер безумный,
хвостик
Подогнув под рёбрышки
Сладких ждёт наград

Деликатно, без проблем,
Но в глазу вертикальном
Зелёном, печальном
Одно слово: съём!

Этого хищника не обмануть
В запахе заключён смысл вещи
Всякого тела суть

† † †

В государственной больнице
Ходит пьяная луна
На блаженные страницы
Просыпает соль жена

Её гордые прорехи
Снами вверчивают в плоть
Животворные побеги
И блистает жёлтый скотч

Всё затянуто, крылато
Всё несётся в никуда
Пустотой густая вата
Смотрит в дырочку окна

Тянет томик Пастернака
Его зелень тает вкось
Вертится бинта заплата
О руки тугую ось

Всё уснуло, всё уныло
Государственных больниц
Злит коричневое мыло,
Закононый гомон птиц

✚ ✚ ✚

Порвин рвётся к небу
И веточкой, и стрижом
За Б. Л. закреплённый
Не тяготит одинокую зиму дом,
Занесённый причудливым изворотом крыл
Туда, где кончается свет тоннельный, где каждый
однажды был

Не город с его ворчаньем свирепым,
Пыльный шумный колпак на глаза напяливший,
А ниша солнца и звёзд, не занятая людьми
Клёкот льдинок, остов сосновый, снежок стаявший

Рвётся, хнычет обзериут логоёмкий
В его рту сосочка мира
И погремущками машут потомки!

РОДОСЛОВНАЯ

Где Батюшков сладкий облизывал пальцы
Чернильным пятном недовольный
И мял в кулачке сочинение чьё-то
Не тех ли веков и лекарств
Ты ищешь, дружок
В стакане мохито, в срамной «Кока-коле»
Где мордочка Санты тебе приготовила лайк?

Перчаток зажиточных лет не сносить,
Всё молью пропахло жемчужной,
Что из-под шпор вороного конька
Летела

И пели лилеи иного врага,
Их мускусный витязь тебе приготовил,
Чтоб в рюмке спасения ты не нашёл,
А пел бы вслед вечности этот стишок запоздалый

И мало им было ворчаний отчаянной той ребятни,
Ворвавшейся под окончание банкета в столовую нашу
И чашу расквасивших, всё разметавших, в углу
Их кепи забытое напоминает котёнка

Как кличка его?
Не Пегас?

Волчонка украл и запрягал так грубо
Что хвостик торчит
Мясорубкою вечной жерло твоего беспредела
Всё точит и точит перо, переламывать тело
Грешно и приятно — и парус летит под откос

Родился и ты тогда,
Злой белорусс

† † †

Точёной музы сосок остёр
И губы шепчут едва-едва
Свалить все слова в голубой костёр
И отложить навсегда дела

Лишь нега в плену у неё, в огне
Конфорка тела смежает день
Руки несмелой простая лень
И весточки звёзд на больном окне

Она и в чёрном, она и ять
Она и ножкой придвинет стул
Ты только налей ей опять, опять
В гранёный стакан золотой улун

Ни капли крови, ни жеста ран
Ни крана сонного мерный кап
Она камикадзе, она Каплан
Целует тебя, коммунист, сатрап

И всё рассыпается, лень, песок
И свет сочится из бока, вниз
Тёплый рот, полоса, сосок
Ты этого хочешь? Твой зол каприз

Не отпускай, развяжи, сожми
Лишь краем полон вечерний хлам
В белёсый полдень её претвори
Небесный ворох, весенний гам

† † †

Мы сойдёмся снова, мы разохнёмся
На печальной станции автобусной
В жаркий полдень, полтора часа
До очередного

Я не верю, что слова лишь кровь,
Уходящая в землю, корочкой бессмысленной
Становящаяся по утру
Слова — игрушка, кенгуру

Помнишь тот фильм с Баталовым в роли
Мальчика счастливого, ответственного
Я зарю в мех моего Ру слово дорогое,
Безответное

Будет пуговкой оно к тебе пришито чёрненькой
Так, без дела, запасной

ЖИЛЕТ

У меня есть жилет
Он мне достался от Майка
Конечно, я вру
Но гайка нужна, чтоб держался болт

Прости, хозяйка

То ли он серый, то чёрный —
Вороний оскал, воронок
Он Москвошвеем пропах
На переделкинской дачке продрог

В нём я утонуть не готов,
Его раскроить и сшить что-нибудь не могу

Я рот раскрываю для звука чистого, коренного
И ни гу-гу

Мне Герцевич шепчет: на лацкан повесил бы
ромбик имбирный
Сатиновый бебрян рукав закатав, обмокни губу верхнюю
В чай с малиной
С холёной янтарной смолой псковского мёда, его детворой

В час зачатья, как крови капелька на запястье — кап
Пацанчиком в мятой кепочке с карманом оторванным,
оттопыренным

Цап-царап

Ох да кабы коромыслами рёбра гудели, строились
Не ныл бы затылок шляхтичем забулдыжным
Ты, Достоевского выкормыш

А не в тыщу масть
Раз поэт, так вор однако выходишь
Клясть, красть

Говорил тот деверь-вепрь брёвнышком неподъёмным
Тлел, прел:
Ух ты филином дылды да не по чину кафтан

А всё вышло боком
Отстань, я пьян!

В ОЖИДАНИИ ПРАЗДНИКА

Галя, веточка, снежинка
Апельсина половинка
Ёжик ёлки пьёт крюшон
Предрассветных сумерек
Имярек, выходи, проводи Новый год
Бороду сняв, в рукав опускаешь лицо хмельное
Сладко дышится, на подкладке — вечность
Часы нужны лишь смешным
С ними не страшно им

Галя, проволочка непогнутая
В это утро умойся, согрейся чаем
Никогда так отчаянно не хотел в Москву
Там я дичаю

Протянись пространством, имярек, словарь
Кустарным пьянством не сыт,
Обернись колобком, как встарь

✦ ✦ ✦

Москва провожала лужами, льдом
Мы шумной ватагой плыли к вокзалам
Нам мало друг друга,
Они хоровод вокруг меня завели —
Упали, и плакали, и вытирались
Любимые, вечно несносные дети
Как тёплая водка зимы
Как красочно, счастливо было на свете!

Чай «Липтон» с лимоном нас грел
За столиком рядом с божом суетливым
Я про себя пел, от малого сиха воняло пивом

Зажгла в сердце северном золотую ёлочку,
Иголкой дивной, малиновой Галя была
Она улыбалась, она обнималась
Что это было?
Весёлое пьяное братство литры
Как на уроке устроить проказу
Всем классом в киношку свалить
Всё
Чай «Липтон» остыл
Пора пить

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ, СОСЕДКА ИРА

Накапать на эту тетрадь
В линейку косую
Как девочка Ира с болезненным взглядом
За партой одной
Что-то тогда случилось со мной

Линейки косые мне снятся
Проверчивать в мозг логоритмы
То-то пусьсация как с мёртвого снята
Это его костяные зрачки
Вертикальных линеек хребты
И ты, ты

Девочка Ира с губами красными, старше
Не лучше ли, братцы, не знать, не стареть
Всё краше агония, девственной смерти

Накапать на эту тетрадь
И мускульным грифлем размазать, заточит
Его не рука, а крыло
Кручу эту ручку, как в детском саду
В невысказанной жизни, в чужую дуду
По капле, в косые линейки. Не знал
И папа тех букв, что я нацарапал под сердцем
О, Ира, та дверца открыта, зови не зови
Всё боль, всё истома, желание, прежде рождённое жизни
Сотри

ДО ДЕВЯНОСТОГО

Всё, что могу собрать
Царапинка на диске,
В одном и том же месте
Который раз
В тот год погиб поэт,
В тот год родилась девочка, с которой я встречался

Всё, что могу обнять
Окно и свет тревожный
Искусственный из-за плеча, туюл падает
под стиснутой ладонью
Он пел и прыгал и летел и говорил потом, что сон был это

Зачем один подсел, другой увлёкся пивом?
Зачем один собрал концертный зал, другой ушёл под лёд?
Меня лишь первый целлулоид прёт
«Все братья — сёстры», солнечный Марсель
Соединяет этот город
Все жилки рокеров, как хмель
В коктейле трепыхается заблудшей в ночь девицы

И тишина, лишь стучают до одури
Ресницы, спицы

✚ ✚ ✚

Пустынный уголок, лихая ночь
Она боками греет тело
Не тело, только потроха
И тишина пока

Ты где-то далеко, лишь детский плач
Мне слышится, как неполадка в телефоне
Не это ль ангелов следы, их меха хруст
Молчи, ни звука кроме

Агу-агу, они в игрушечные трубы дуют
И тень твоя танцует на незримых каблуках
И губы шорох тот целуют

Всех покрывал с тебя не снять, загадка-ночь
Ты листиком капустным
Лишь манишь, тока не приняв
И губ не утоляя
Перстенёк упал на голубой ковёр
И сон нейдёт, и холод точит ноги
Очнись, голубка, зёрнышко прими
В военной небесянке
Коптит патрон-луна
Лишь мне она видна

✚ ✚ ✚

КРИСТОФЕРУ НОЛАНУ

Во сне в ловушку попадаешь
В нём что-то делаешь, но зря
Между мирами странными мелькаешь
Пока не разобьёт сосуд со сном заря

И выплеснется на поверхность красный карасёк
Он жить не может в мире внешнем
Он обречён, ему секунда — срок

Но вот опять нырнёшь тревожной мошкаррой
В пучину сна зубчатого
Там дверь за дверью, и второй карман
Там шит в один порой

Бывает мельче сон, проснуться в нём легко
Бывает глубоко, и там паришь высоко
Осока образов там густо оплела
Все связки, мышцы, пуп срамной
В котором лифт из одного в другой
Отсек

Там переборок шатки люки
И можно запросто запутаться в узлах
Лишь ниточкой одной
Проходит смерть
Она следит за мной
И страх её богат мечтами

Как выйти, сохранив состав, поймёте сами!

✚ ✚ ✚

Ерунда, царапина! — сказал небритый старлей
Наверчивай складни трупов
Немецкой крови земля горячей
Не примет советская преисподняя их срамные душонки —
Нам нечего жрать самим —
Пополним запасы загробной тушёнки

Будем их нанизывать на чётки трассирующих
В ночь перекопную
Наш комдив опять несёт и ищет жертву себе
Сверхзачётную

В штрафную пойдёшь, если план по тушёнке кровавой
не сдашь
Смотри, как месяц серебряный берёт твои звёздочки
на карандаш

В ОЖИДАНИИ ДОКТОРА

Где ангел в костюме Сталина
Статистом любви до кровавых язв
Лежал, прислонившись крылом к решётке
Там лужица солнечной пыли срослась
С костяным мусором обрешётки

Казалось, система сделана
С дефектом,
С косточкой ложной в прирёберной части

И варит истовый православный Бог
За гранью физики суп к обеду
Но пока артритная боль тревожит суставы ног
Всё в порядке
У белого Ноя приём в среду

Пропишет и сбудется
То, что во тьме
Кромешной кроится,
Шьётся по мне

† † †

И нет огня. Где Гамлет? Мышь скребётся
И мышцы вялы, тénéй не свернуть им
Мой ум — ловушка полусмыслов
Лишь краешек всего в неё попробовал попасть
И века вкрадчивая пасть:

Зевок считает воздух оптом
Лишь проза, взбалмошный экспромт
Способны утолить тоску
Но лгу, за часом час
И пребывает бесконечность
В теплушках с юга

На колени встав, попробуй,
Прикусив язык, молчать и думать —
Всё напрасно

Лишь телевизионный свет
Меняется прекрасно

† † †

Н. К.

Быть безопасно
Быть — скорлупа, теснее скрипичных дуг
Но буравит то, что под ним
Передержки расшатанный плуг

На круг, на кон, на футбольное поле
Выплеснется то, что рождено в покое
Но от долгого употребления стало деньгой
Слезинкой, подошвой стёртой дервиша с пухлой
от жажды губой

Всякий гобой место в оркестре знает
Только я хочу выйти из тесного ряда лож
Скажите, кто меня понимает?
Кто заселяет отныне Воронеж-нож?

Молчание в губы, молчание как мельчание
На прибрежном песке тоски рыбацкие снасти
оставил закат

Это он управляет циклом моих производств
Отступник, кат!

Ничего не хочу, кроме золота
Раствора ртутного отношений
Для себя жить — подло
Гвоздя мне дайте, свершений

Для неё, для неё и нырнуть не страшно
В заводи дней подарок искрится на полумрачном дне
Ихтиандром обнять ту, что смерть сторожит
Вот! Это по мне!

† † †

Если «р» в названии месяца
Можно устрицу есть
Нереста слов не схлопнет улов строки
Легки хлопья снега, и это добрая весть

Обмочиться как букву на прикус взять
Язь-река недотрогой бежит сквозь одежду
Это букв шелуха пропадает,
Это приносит надежду
Светлый май, и нельзя уже устрицу есть

Что слова, эти хлипкие жерди души
Или духа жемчужного, что встаёт спозаранку над телом
Он ли грешным рассыпется сном, чтоб прорваться
поллюцией влажной
Всё, что май растопил, — будет строкой отважной

Ни почерк не выдаст, ни мрак
Только сомнением точит песок:
Не пролей то, что прыгает так

ГЛАЗ

Невежды говорят, что глаз есть луч
И тьма ему преграда
Но глаз есть сеть, пространство и прицел
Фасеточного нерва весть
И эволюция — его предел, награда

Глаз есть капкан и лифт,
Офсеточный снежок когда припорошил
Все тропки к Истине, что ждёт в весенней почке
Глаз есть варяг и заменитель крыл
Он точно попадает в строчки

Ни ум, ни сердце не чета ему
Из мусора рождённый строй —
Будь лёгок!

Как долгое коровье «му»
Один он ласковый потомок
Первосуществ, поднявшихся из мирового океана

Глаз — непроявленная рана
Он мозга щуп, он мера вер

И я горжусь им, пионер

† † †

К стенке у школы прижали и мячик хотели отнять
Злые псы всепроникающей Власти,
Поклонники мускульной силы

Это ли «квир», что у Батлер болтается кисленькой сливой
Будто Ницше, Фуко и Лакан в неистовой случке сошлись?

«Ты задрот», — говорила мне стерва одна,
промышлявшая словом

И у каждого слово своё, хоть язык есть предел
Он один, он на всех, — но марксистская эта мечта
На ветру обгорела стыдливо

Там, где двое — там жар обожанья и мера рассудка
Лишь двоим может этот ничейный мольберт услужить
На языке говорить — унижаться, для друга —
Слива горькая станет ликёром волшебным:
Пожалуйте пить!

† † †

Та девочка, что пела песенку Летова,
Мучительно потирая лоб, щёки
Словно приснилась мне в середине лета
И открыла кингстоны, пропустив солнечные потоки

В лодку, жёлтую как жухлый лист в октябре
Почему во всём такие несоответствия?
Когда пыльно и жгут комаров поцелуи в лёгкой лесной
дыре

Ни одного для неё не осталось в кармане привета

Прошла по левому борту проточного месяца
Вздев лишь край плаща, кошечкой чёрненькой

И говорит:

Иди ко мне, мой ласковый заморыш
Вот Боб, вот Саша Башлачёв
Они расскажут сказку на ночь
Про всё, что с Герцовичем было

Смычок сопит тоскливо

✚ ✚ ✚

Мне снился траурный Воронеж
Здесь Юра Хой лабает на гитаре
Всё остальное время скрало
Здесь ровные кирпичные ряды
И втопаны в снежок фабричный
Далёкие глюкозные следы

Всех уток на пруду не счесть
И с мостика плюёт замшелый гопник —
Ни прошлого, ни будущего нет
Совок застрял на мертвенных скрижалях

Бухло и мотоцикл склеились в предутренней затяжке
И пачка кончилась уже
Дискач остыл и дремлет рядом с ним в коляске
Она, заборная герла, которой не к лицу
Из дня далёкого святая золотинка
Под древним языком шершавое драже

† † †

Уж нет давно клоназепама
Лекарства как крысы покинули город Петра
Пиратом остыл его медный багор на Сенатской
Мятежным и страждущим он отомстил за «ура!»

Аукциона «Юлу» заведу под сурдинку
Милитаристом в цветочной шинели расхищенный порт —
Вот место без цели и смысла

Отчизна клюёт и, моргнув, пропускает полуденный
выстрел

Засосом воздушным Аврора скрепляет оплот

Крысы бегут. Их родина — дура. Повешен
Каждый шестой их за хвост. И метелью завешен.

† † †

Дурные сны, рождественский причал
Утюжила узбечка уши
И то ли девушка была, которой отвечал
А может быть, агент
На всю зарплату плов согрел
В ладошке честной

Не дремлет в терновых закромах
Здесь всё пропахло керосином
Ослы не имут пищу и орут
На пятые, шестые и седьмые —
Побег наш обречён,
Но выступаем мы
Рылеев прав, окрасим утро красным

† † †

Леди Ди длиннофаланговым белым цветком
За мужем тоннельным, из готической скорости стéблей,
Оплетающих каждый её волосок
В гробу хрустальном,
Полупрозрачном авто навсегда
В углу губ перламутровой змейкой улыбка

Их ошибка, тянущих шнур
Вслед за линзой в бессмертье трёхмерное

АМЕРИКАНСКИЙ ГАМЛЕТ

Не индейцы ли мы,
За безделушки продавшие рай?
Вся наша жизнь за бутылку бухла отлетела
В беспорядке идеи и тело
И узор остывает невидимым лаком, помадой
Надо нам?
Не к добру
Злой Иисус всех подгрёб,
Боги предков томятся в гробах
На хоругвях небесно-зелёных
Только корь
И болезнь вместе с той погремушкой
В ухо ядом вползла
Дядя, дядя,
Отдай мне мой лес
Изумрудный

† † †

Ты слышал? Он орал
Створаживал пространство
Комок живого слова
Мяукал в нём

В колоде призраков
Отчаянный наглец
Один был я
Он рвался напролом
К чему-то мутному в заоблачную синь
И лунь его брегета
Вываливалась в лето

Он не имел детей
Тот мальчик белокурый,
Которого ему показывала мать
И тыкала: вот Вова
Будь и ты хороший
Ни дать ни взять обман
Он понял это
И больше не пришёл
Стояло лето

Однажды он туда попал
Поехал на автобусе
И трещину увидел там, где и была когда-то
В земле родной, на искривлённом глобусе
Где всё, что заживо росло
Отпало, отцвело

Ты видел? Это говорил
Седой как лунь волшебник,

Споткнувшийся однажды о поребрик
И голову поранивший. Не летом
Не осенью и вообще не знаю
Я только-только
Забыл его
И засыпаю

✚ ✚ ✚

Мне постоянно снится школа
Под сто в примере нагревается вода
Расходных чувств полна палата, т. е. класс
Я маленький, я молод, мне портфель как раз

Я сменку забывать старался дома
И в берцах проникал в нутро большого дома
Которым был тот улей дорогой
Где фаску снять в большую переменку,
Дождёвывая блинчик золотой?

Здесь всех, Сваровскому завидуя,
Я перечислю наших пацанов:
Олег, Димон, в фэйкóвых найках Лёха,
Антон, Вован, любивший баскетбол при росте
метр шестьдесят

А что? кто не любил его в начале девяностых,
Когда крутили игры NBA по ящику с Его Воздушеством?
Мой брат, его друзья, Ефимов Женя,
Ведущий дискотек по кличке Металлург...
Да что там говорить — АТАС!
Стремайтесь, черти, прячьте анашу
Я клинописью это запишу

Люблю я школу не за то, что было весело и молодость
урчала

В худом и белом животе
Здесь как бы время в стойку встало
Порушенное уже

Рассказов про чернильницу и прищур Ильича
Забыта поволока

Но нового прекрасного далёка
Жерло ещё не смяло
Кумача кусочек треугольный, сожжённый в туалете
при свидетелях

Мне до сих пор саднит под сердцем
Все дверцы в эти норы хоббичьи закрыты траурной
завесой

Короче, я люблю всё это, потому что мы равны
Мы как в казарме спим на этих спицах,
С которых Парки нас содрать ещё вольны
Мы, пьяные умы, несправедного строя пехотинцы
Пусть ложь в начале и потом Содом
Нам было хорошо и есть что вспомнить
Наш первый и последний общий дом

✚ ✚ ✚

Редкие визиты в проституттошную
Верлибром застряло слово-снаряд
По крови и я камрад

Сонный звонок, а может быть, взволнованный
Голос, упавший с плацкартной дубовой полки
Кто ты? Уже разосланы
Все приглашенья на этот замшелый сэйшн у друга Никиты
И черти биты

Ну чё, ребзя, зри —
якшался с паскудой Крапивиним?
Ах, Колька, на эти лады не жми
Мы все этим ворохом осчастливлены
В минуту срамную
Сука, умри!

Никитка, потрогай меня за правую руку!
Ещё этот стержень болит?
Он навылет не скинулся с ртутного шарика луни,
Что льётся сейчас через край?

Самолёты, ракеты, комочек несклеенной глины
Несётся в умы и кляксой сочится с груди
Сопли забыты, стёрты, похерены где-то давно
Гляди: на витражной манжете пасётся оно, божество!

Во же на ляху, на дури двойной косячок
Отцовский ремень и пионерский значок

✚ ✚ ✚

«Ноу сюрпрайз, ноу кок!»
Турист разевает рот на тот свет, который наоборот
Где третий слон наступил на лапу

Тростниковая дудочка, спрятанная в карман
Волшебной валютой падает в летний капкан
Он воин поллюций неведомых небу врачей,
Чей бизнес скрыт от очей и впадин дороги до рая
Тот трахнул его без обид,
Переодетого мальчика, чьё тело не знает пола
Деревней его снаряжали и дали наказ:
Белого гуру покорный заморыш,
Принадлежи ему без договора как раз каждый раз

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Отщипывая с языка, как с белого батона
Я птичек маленьких кормил
Они росли повыше, со щенка, потом как дом,
Потом как целая страна и континент —
И вот уже планета
Щебёнкой языка полна

Зачем я наварил, что не сглотнуть?
Ртуть падает в термометре последней ядерной зимы
Январь ещё не кончен
А в кадке уже вода
Растаяла, просохла
И дремлют, в небо упершись
Непониманья сопла

Мне Ельцин грезится в белёсой поволоке
Тьмы снега, набегающего к западу от трапа,
С которого он сходит
И каждый маленький жилец,
И чтец, и героиновый торчок
С него зениц не сводит

Вся жизнь была обманом
Мне просто вену перепутал Зевс,
Вколов вместо раствора мяты и полыни
Какой-то новый препарат —
К семи часам все вены сгнили

И только снег, и только лёд
И одинокий самолёт,
С которого по трапу
Спускается Борис, протягивая лапу
Министру обороны
И с флагов плачут клёны

† † †

Я мышкой Genius верчу
Проникнуть в тайну я хочу

В надзвёздной мгле растаяли слова
Последний метафизик
Рехнулся и пошёл служить в ОМОН
А может просто он филолог был надменный
И скромный замысел имел
Расчислить циркуляр вселенной

Язык есть сеть — он говорил
И сеть эту плетут фонетики узлы
И пропасть дырок
Не может энтропия победить
Соединяет от ошибок
В слова один народ
Язык — сознания оплот

Ему мы возражаем
И говорим:
Лишь единица
Там, где соитие двух слов —
Нанизывает спица речи —
Сие есть ядрышко, и это суть
Всё остальное — мысли путь

Безмозглой стекловате
Подобна речь глашатая
Всё потому, что запечатан
Смысл в форме
Если есть она
Язык как ратная игла

Ты можешь нить и нить
Но пыль от смыслов
Летит обратно, попадая в поры
И терпят вредные лексемы
Непроходимые засоры

Вдали от мысли промысла секреты
На плёнке разума не распознать поэта

✚ ✚ ✚

Учили нас считать хорей
И уважать Семёна Франка
Но хоть убей я не пойму
К чему наука эта приложима

Поборник веры Достоевский
И Каратаев, травяной мудрец
Мне надоели наконец

Я брал уроки старослава
И мне открылась красота
Оказывается, она росла
Не там, где бегал Свидригайлов,
А там, где всякие слова
Начала видят крайность

В плену у русской летописи
Ольга в нимбе жестяном
Отмщение гробам потомков
Из крохотных обломков
Я доставал, что Велимир
В самом себе давно открыл

Не там, где Соловьёвы в потных рясах,
Замшелое гумно своё раскрыв,
Платона позабыв,
Эзотерический роняют бред
Про третий Рим и Софью-мать-с-хренью

А влажная брусничная еда
Дунайской стужи
Вот матёрый свет
Мне мёртвых предков голос нужен

Их буква, их смола
Пускай всё только отклик и туман —
Я буквой этой пьян —
Не прикоснётся
Хромой мудрец, что бога пришлого пригрел
К чернильному пятну тринадцатого века

Даждьбогу на орехи
По внутренностям мёртвых птиц гадаю

В облаченьи грека
Митрополит шевелит мрачным ртом
Он будет как-нибудь потом

† † †

У прозы не возьму взаймы
Железная дорога русского романа
Вела Исаича туда
Где в снег и лёд превращена вся без остатка
Микробных слов небесная руда

Стигматы запятых и сажа каждого абзаца
Не перепачкают мне лацкан пиджака
Я жив, пока молчит рассудка мраморная каша
Пока на «ты» створаживаю звуки с языка

Прикусишь сахарок очередной цинги,
В которой распознать не можешь строчек
Все витамины букв рассыпаны в звоночек
И от него рассчитан бег
Ни зги

Не превозмочь косматых туч, что движутся быстрее
ветра с запада
Вдогон шальному беглецу я выслал рифму-следака
Но от затравы этой озорной, полапанной
Нет проку до весны, а ведь зима пока

Я к прозе не прильну
Историй всласть намешан
В баланду снег, и хворь, и райский табачок
Я звуком как степной стеной завешен
И мне по кайфу казематов этих звон и тишина
Мне здесь хозяин — доходяга-снегирёк

† † †

Бакланку шили Константину
Б. Г. — Вертинского козлил
Всё было в кайф наполовину
Но половина эта
Была превыше крыл

Всё рёхнулось в тартарары
И детство, и Бюльбюль-оглы
Грех в основании лежал
Ильич в гробу хрустальном спал

Кто сглазил знатоков матерьялизма?
Кто в кровь втоптал пузырь народной воли?
И был ли тот народ? И был ли тот приход?
О том ли гаркнул в октябре
Балтийский флот?

Нагайка для царя, трудлагерь для марксиста
О том ли пели в казематах декабристы?
И песни этой захудалый след
Не подхватил ли морфинист-поэт?
Своею трёхрублёвой шестистрункой
Он нарычал, однако, бед!

Всё, что здесь светом начиналось,
Потом пожаром занималось —
Всё превращается в навоз
На сорок бед один колхоз

Пахан на верхнем этаже зудит про блуд
Что всё от скреп отсутствия духовных
А люди мрут в своих кунсткамерах казённых
Не оставляя и следа

Лишь песня слышится едва

† † †

Ни капли нежности, ни слова дорогого
Жизнь не доро́га, а башмак
Под колесом лежит и не вздохнуть никак

Сплю целый день, питаюсь лимонадом
Из ада весточка — ждём, мол, пиши
Из букв тебе одна ограда
Кладбищенский сквозняк на дне пустой души

Что свет, что блуд, что все слова и смыслы?
Артист бездарный погибает на подмостках
Недокричав, недогорев
В начале был театр, а в окончании спектакля —
Хлев

Ягнёнком буду в лучшей жизни
Во сне, в воспоминании вдовы
Которой очертания увы
Лишь грезятся в непромокающей газете,
Которой я рабкор

Лишь пращура неоднозначный,
Но слышится укор

† † †

Разочарованность, любовь к вещам —
Вот всё, что есть во мне
Хотел бы я сказать так много,
Но думать в строчках — срам

Нет ничего, в чьё тело б не проникнуть
И создавать условия для мысли — вот предел
Но думать, выворачивая мир на тонких костылях
Едва б поэт посмел

Зело философ хитр, он пыжится в углу
Зато его плоды — обед и стол уму
А лыжи рифм — прогнившая свирель
Эй, повар-сфинкс, добавишь в пиво хмель?

Мы пьяные пилоты, и боинг наш стоит в покато́м доке
Ведь только кукурузник запра́влять
На ять

В такие клавиши стуча, урчало что-то в доме
И тишина пологая росла, углов и нервов кроме

† † †

Я всё могу понять
Едва-едва вздохнув
Оправившись, клей приготовив чтобы склеить чувства
Все переломчики, визитки, узелки
Подвесить за немеркнущую нитку
И ближе прислонить к огню

Давай-давай, шарахай
Под сердце, под ребро
Куда — найдёшь места
Лишь только б отпечаток кутерьмы
Не мерк, пока барашки
Выстраиваются в ряд до ста

Иголка, брошенная в печь
И сему дав одышку
Сломать не может боли кровяной резерв
Всё изничтожив, выжив и в запале сумерек
Внезапно присмирив

Дай револьвер, дай пулю
Полоску мака, ледяную ткань
Всё фотография Буллы на мрачном стуле
Вот в эту форточку, за птичкой —
Вылетай и рань

СОДЕРЖАНИЕ

Как будто виноват, как будто в чём-то соль... ..	6	Мне снился траурный Воронеж... ..	41
Подражание Ипполиту	7	Уж нет давно клоназепама... ..	42
Мы прыгали в открытые отсеки... ..	9	Дурные сны, рождественский причал... ..	43
Пехота слов пасёт строку... ..	10	Леди Ди длиннофаланговым белым цветком... ..	44
Четыре года псу под хвост... ..	11	Американский Гамлет	45
Об усыновлении нижестоящих	12	Ты слышал? Он орал... ..	46
Пробуждение, сигарета и кот Лакан	13	Мне постоянно снится школа... ..	48
Кот Лакан вдыхает воздух... ..	14	Редкие визиты в проститутушную... ..	50
В государственной больнице... ..	15	«Ноу сюрпрайз, ноу кок!»... ..	51
Порвин рвётся к небу... ..	16	Последний катаклизм	52
Родословная	17	Я мышкой <i>Genius</i> верчу... ..	53
Георгию Иванову	18	Учили нас считать хорей... ..	55
Константину Симонову	19	У прозы не возьму взаймы... ..	57
Точёной музы сосок остёр... ..	20	Бакланку шили Константину... ..	58
Мы сойдёмся снова, мы рассохнемся... ..	21	Ни капли нежности, ни слова дорогого... ..	59
Жилет	22	Разочарованность, любовь к вещам... ..	60
В ожидании праздника	24	Я всё могу понять... ..	61
Москва провожала лужами, льдом... ..	25		
Первая любовь, соседка Ира	26		
До девяностого	27		
Пустынный уголок, лихая ночь... ..	28		
Во сне в ловушку попадаешь... ..	29		
Ерунда, царапина! — сказал небритый старлей... ..	30		
В ожидании доктора	31		
И нет огня. Где Гамлет? Мышь скребётся... ..	32		
Быть безопасно... ..	33		
Если «р» в названии месяца... ..	34		
Глаз	35		
К стенке у школы прижали и мячик хотели отнять... ..	36		
Та девочка, что пела песенку Летова... ..	37		
Всё, что осталось, — вздохнуть, пыль потревожив... ..	38		
Мне Александр Герцович приснился... ..	39		

Книжный проект журнала В О З Д У Х

Вениамин БЛАЖЕННЫЙ. Моими очами • Александр СКИДАН. Красное смещение • Гали-Дана ЗИНГЕР. Часть це • Александр ОЖИГАНОВ. Ящери-речь • Галина ЕРМОШИНА. Круги речи • Сергей МОРЕЙНО. Там где • Полина БАРСКОВА. Бразильские сцены • Андрей СЕН-СЕНЬКОВ. Дырочки сопротивляются • Алексей КУБРИК. Древесного цвета • Виктор ПОЛЕЩУК. Мера личности • Александр БЕЛЯКОВ. Бесследные марши • Валерий НУГАТОВ. Фриланс • Игорь БУЛАТОВСКИЙ. Карантин • Константин КРАВЦОВ. Парастас • Мара МАЛАНОВА. Просторечие • Елена СУНЦОВА. Давай поженимся • Бахыт КЕНЖЕЕВ. Вдали мерцает город Галич • Андрей ТАВРОВ. Самурай • Валерий ЗЕМСКИХ. Хвост змеи • Данила ДАВЫДОВ. Сегодня, нет, вчера • Игорь ЖУКОВ. Язык Пантагрюэля • Егор КИРСАНОВ. Двадцать два несчастья • Фёдор СВАРОВСКИЙ. Все хотят быть роботами • Георгий ГЕННИС. Утро нового дня • Аркадий ШТЫПЕЛЬ. Стихи для голоса • Линор ГОРАЛИК. Подсекай, Петруша • Катя КАПОВИЧ. Свободные мили • Геннадий АЛЕКСЕЕВ. Ангел загадочный • Евгения РИЦ. Город большой. Голова болит • Сергей КРУГЛОВ. Зеркальце • Александр УЛАНОВ. Перемещения + • Янина ВИШНЕВСКАЯ. Начинается уже началось • Василий ЧЕПЕЛЕВ. Любовь «Свердловская» • Владимир АРИСТОВ. Месторождение • Татьяна ЩЕРБИНА. Побег смысла • Елена МИХАЙЛИК. Ни сном, ни облаком • Александр МЕСРОПЯН. Возле войны • Александр МЕЩЕРЯКОВ. Здесь был ледник • Геннадий КАНЕВСКИЙ. Небо для лётчиков • Виталий ЛЕХЦИЕР. Побочные действия • Зинаида БЫКОВА. Тихое государство • Леонид КОСТЮКОВ. Снег на щеке • Борис ХЕРСОНСКИЙ. Мраморный лист • Мария ГАЛИНА. На двух ногах • Николай КОНОНОВ. Пилот • Виктор КРИВУЛИН. Композиции • Илья КУКУЛИН. Бейдевинд • Настя ДЕНИСОВА. Вкл • Максим БОРОДИН. Свободный стих как ошибочная доктрина западной демократии • Виталий КАЛЬПИДИ. Контрафакт • Алексей ЦВЕТКОВ. Детектор смысла • Дмитрий ГРИГОРЬЕВ. Между играми • Алексей ВЕРНИЦКИЙ. Додержавинец • Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ. Штойто • Петя ПТАХ. БЯТЬЫ • Ирина ШОСТАКОВСКАЯ. Замечательные вещи • Николай БАЙТОВ. Резоны • Владимир КУЧЕРЯВКИН. В открытое окно • Наталия ЧЕРНЫХ. Из писем заложника • Павел ГОЛЬДИН. Чонгулек. Сонеты и песни. Тексты, написанные без ведома автора • Василий ЛОМАКИН. Последующие тексты • Василий БОРОДИН. Цирк «Ветер» • Арсений РОВИНСКИЙ. Ловцы жемчуга • Олег ЮРЬЕВ. О Родине • Пётр РАЗУМОВ. Управление телом

ЗАКАЗ КНИГ ПО ПОЧТЕ
(современная русская поэзия)
<http://www.vavilon.ru/order/>
